

АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ

ИГОРЬ ЛОЩИЛОВ¹*(Институт филологии СО РАН,**Новосибирский государственный педагогический университет)***«БЫЛА ЕМУ ЗВЕЗДНАЯ КНИГА ЯСНА...»****(Н. А. Заболоцкий и Н. А. Морозов: заметки к теме)²**

В статье указаны источники двух стихотворений Николая Заболоцкого: «Весна в лесу» (ранняя редакция – «В лесу», 1935) и «Сквозь волшебный прибор Левенгука» (1948). Оба стихотворения восходят к «научной поэзии» ученого и революционера-народовольца Николая Александровича Морозова (1854 – 1946). Личность, поэзия и научные интересы Морозова привлекли, вероятно, внимание Заболоцкого и благодаря общим знакомым (Д.И. Хармс, В.А. Каверин), и в связи с его интересом к «народному знанию» («народная астрономия», «народная медицина») как к прообразу синтетической науки будущего. Во многих стихотворениях и поэмах Заболоцкого слышны отголоски сочинений и самого Морозова, и ученых его круга, в 1910–1932 годах объединившихся в Российское Общество Любителей Мироведения (Р.О.Л.М.). Если Заболоцкий и не разделял научных взглядов Морозова и его единомышленников, то хорошо понимал их «мифогенность» и потенциал перевода в поэтическое измерение. Однако Морозов в качестве поэта воспринимался Заболоцким, видимо, как «блестящий дилетант».

Два разбираемых стихотворения являются результатами иронического пастиширования двух стихотворений Морозова («В химической лаборатории» и «Мир в капле воды») и вписывают их темы и сюжеты в круг проблем, которые решала русская поэзия

¹ Игорь Евгеньевич Лощиллов, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института Филологии СО РАН, доцент кафедры русской литературы и теории литературы ФГБОУ ВПО НГПУ Институт филологии, массовой информации и психологии (Новосибирск).

² Сокращенная редакция этой статьи была опубликована [Лощиллов, 2013].

начала XX века. Морозов, специально интересовавшийся вопросами стихосложения, по биографическим причинам (более чем двадцатилетнее заключение в крепость за участие в революционном терроре) остался в стороне от качественного скачка в развитии национального поэтического языка, который свершился между 1882 и 1905 годом, когда ученый получил временную свободу. Его поэтические сочинения, при известном версификационном мастерстве, связаны с теми курьезными поэтиками, которые нередко вдохновляли поэтов круга ОБЭРИУ. Подхватывая и переосмысляя содержащиеся в них интенции, Заболоцкий аналитически продумывает выбор лексики, поэтического размера, числа стрóf, и доводит форму своих стихотворений до кристаллической четкости, которой лишены поэтические опыты Морозова.

Ключевые слова: научная поэзия, Николай Заболоцкий, Николай Морозов, пастиш

I. E. LOSHILOV

(Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk)

“WELL DID HE KNOW THE BOOK OF STARS ...” (N.A. Zabolotskiy and N.A. Morozov: notes on the subject)

The article indicates the sources of the two poems by Nikolai Zabolotskiy: “Spring in the Woods” (in the early version – “In the Woods”, 1935) and “Through Leeuwenhoek’s magical instrument” (1948). Both poems date back to “scientific poetry” by Nikolai Morozov, a scholar and Narodnaya Volya revolutionary (1854 – 1946). Morozov’s character, poetry and scientific interests must have attracted Nikolai Zabolotskiy through both their common acquaintances (Daniil Kharms, Veiamin Kaverin), and in connection with his interest in “people’s knowledge” (“people’s astronomy”, “people’s medicine”) as the prototype of a synthetic science of the future to come. Zabolotskiy’s many poems echo the works and poetry by Morozov and his circle of scientists, who united themselves within Russian Society of Universe Study Fans (R.S.U.S.F.) in 1910-1932. Even if N. Zabolotsky did not

share Morozov's scholarly views and those of his associates, he was well aware of their "mythogenic" potential and the capacity to be transferred to a poetic dimension. However, Zabolotskiy perceived Morozov only as "a brilliant amateur poet".

The two analyzed poems are the result of ironic pastiche of two poems by Morozov ("In the Chemical Lab" and "The World in a Water Drop"); they introduce their themes and subjects in the range of problems that were being solved in Russian poetry of the early XX century. Morozov, who had a particular interest in poetry-writing, on the reasons of his biography (over twenty years' term in a fortress for his participation in the revolutionary terrorism) remained aside from shifts in the quality of national poetic language, that occurred between 1882 and 1905, when the scholar received a temporary freedom. His poetic works, although known for certain mastership of versification skill, have relation to those comic poetics, which often inspired poets of OBERIU circle (from Russian *Объединение реального искусства*; the Association for Real Art). Picking up and reinterpreting poet's intentions contained in Morozov's poems, Zabolotskiy makes an analytically profound choice of vocabulary, poetic meter, number of stanzas, and brings his poems to form a crystalline clarity, lacked in Morozov's poetic experiences.

Keywords: scientific poetry, Nikolai Zabolotskiy, Nikolai Morozov, pastiche

В первомайском выпуске газеты «Известия» 1935 года было напечатано стихотворение Николая Заболоцкого «В лесу» [Заболоцкий, 1935]. В привычном современному читателю виде (под названием «Весна в лесу» и с добавлением одного четверостишия) оно вошло в состав «Второй книги» [Заболоцкий, 1937, с. 29–30]. В отличие от других стихотворений, появившихся на страницах редактируемой Н. И. Бухариным газеты, оно сохраняет связь с поэтикой «Столбцов» (и шире – с поэтикой ОБЭРИУ).

Вместе с тем, как отмечает исследователь, «В лесу» «всцело принадлежат к натурфилософскому направлению, которое доминировало в творчестве Заболоцкого в начале <19>30-х годов и стало основой его поэм того периода. <...> И оно, и "Осенние приметы" написаны не "к дате", не в угоду политической или публицистической газетной конъюнктуре; их тематика обусловлена

всего лишь временем года, когда они были написаны и опубликованы» [Платт, 2000, с. 94].

Изменение названия и общей композиции (четное число строф вместо нечетного) вуалируют связь с источником – стихотворением знаменитого ученого и революционера-народовольца Николая Александровича Морозова (1854 – 1946) «В химической лаборатории» [Морозов, 1921, кн. 2, с. 60–61]¹. Прочтем раннюю редакцию стихотворения Заболоцкого и стихотворение Морозова параллельно.

В лесу

Каждый день на косогоре я
пропадаю, милый друг.
Вешних дней лаборатория
расположена вокруг.

В каждом маленьком растеньице,
словно в колбочке живой,
влага солнечная пенится
и кипит сала собой.

Эти колбочки исследовав,
словно химик или врач
в длинных перьях фиолетовых
по дороге ходит грач.

Он штудирует внимательно
по тетрадке свой урок
и больших червей питательных
собирает детям впрок.

В химической лаборатории

В глубине лабораторий,
Лишь умолкнет все вокруг,
Удивительных историй
Ты наслышишься, мой друг.

Реагенты и приборы,
Колбы, тигли и песты
Там вступают в разговоры,
Шепчут вслух свои мечты.

Видишь круглый холодильник
Льдом и снегом окружен,
Под ретортою светильник
Установлен и зажжен.

Здесь мельчайшие частицы
Миллионною толпой,
Как невидимые птицы,
Вылетают пред тобой;

¹ На это сопоставление автора натолкнули записи и комментарии на страницах «Живого Журнала», сделанные пользователями [lucas_v_leyden](#) и [therese_phil](#); пользуясь случаем, выражаю им признательность. Режим доступа в Сети записи «Кое-что о научной поэзии: “Бактериада” Л.М. Горовиц-Власовой»: <http://lucas-v-leyden.livejournal.com/121062.html> (03.09.2014). См.: [Соболев, 2013, с. 132–140].

А внутри лесов таинственных
нелюдимый, как дикарь,
песню прадедов воинственных
начинает петь глухарь.

Словно идолище древнее,
обезумев от греха,
он рокошет за деревнею
и колышет потроха.

А на кочках под осинами,
солнца праздная восход,
с причитаньями старинными
ведут зайцы хоровод.

И над песнями, над плясками,
в эту пору каждый миг,
населяя землю сказками
пламенеет солнца лик.

И наверно наклоняется
в наши древние леса
и невольно улыбаются
на лесные чудеса.

Вылетают, улетают
И туда, где тает лед,
Словно ласточки свершают
Свой весенний перелет.

Загляни же, друг мой милый,
В этот тихий уголок,
Где таинственные силы
Свой устроили чертог.

Это силы – исполины,
Перед ними, милый друг,
Словно нити паутины
Все, что видишь ты вокруг.

Их работа из алмазов
Жизнь земную создала,
Ими сотканы из газов
Наши гибкие тела;

В них источник тех стремлений,
Что сроднили нас с тобой,
В них разгадка всех явлений
Вечной жизни мировой.

«В лесу» – не подражание и не пародия, но своего рода поэтическая полемика, основанная на инверсии «первой» (созданной Творцом) и «второй» (создаваемой человеком, рукотворной) природ: Морозов, описывая лабораторию ученого, метафорически уподобляет «частицы»-атомы перелетным птицам; Заболоцкий описывает весенний пейзаж как лабораторию. Полемика видна и на уровне формы: сохраняя в первом четверостишии память о рифмах соответствующего участка текста-источника, Заболоцкий «наращивает» дополнительный слог в комичной составной рифме (*на косогоре я – лаборатория*), и до конца стихотворения соблюдает чередование дактилических (а не женских, как у Морозова) рифм с мужскими.

Мажорный тон «весеннего» стихотворения Заболоцкого передает обаяние «вечной юности», которое отмечалось всеми, кто знал Морозова. Тэффи писала в мемуарном очерке о Сологубе:

«Как-то занялись мы с ним определением метафизического возраста общих знакомых. Установили, что у каждого человека кроме его реального возраста есть еще другой, вечный, метафизический. Например, старику шлиссельбуржцу Морозову мы сразу согласно определили 18 лет» [Тэффи, 1999, с. 401].

Достоверных сведений о времени, характере и степени знакомства Заболоцкого с поэзией Морозова и другими его работами, насколько нам известно, нет. Библиотека ленинградского периода не сохранилась; в личной библиотеке московского периода, которую поэт собирал после возвращения из лагерей, была, тем не менее, книга Морозова, посвященная толкованию Апокалипсиса («Откровение в грозе и буре», 1907). Вполне вероятным – во всяком случае, возможным – представляется их личное знакомство: по крайней мере, двое из близкого круга общения Заболоцкого в разные периоды жизни хорошо знали Морозова. Это Д.И. Хармс и В.А. Каверин, посвятивший знакомству и дружбе с Морозовым и его семьей, начавшимся в середине 1930-х, яркий мемуарный очерк [Каверин, 1988].

В записной книжке Хармса 1925 года выписаны домашний и служебные адреса Морозова [Хармс, 2002, с. 17]. В декабре 1929 года его имя появляется в неожиданном, но, вероятно, значимом контексте: в списке «естественных мыслителей» – мудрецов, которых в это время Хармс хотел объединить в кружок [Там же, с. 319]. В 1932 году благодаря хлопотам Морозова лагерный срок был заменен для Хармса ссылкой. К нему обратился отец писателя, И.П. Ювачев: «Когда-то именно в тюрьме началась дружба двух толкователей Апокалипсиса. Теперь в тюрьму попал сын одного из них» [Шубинский, 2008, с. 329].

Отношение к исследовательским трудам Морозова в кругу чинарей было, однако, скептическим. Липавский иронизировал над научными занятиями Друскина: «Что ни проделаешь с числами, всегда что-нибудь получится; это конечно любопытно. Можно, например, перемножать номера телефонов. Но ты к тому же любишь еще ниспровергать. Быть тебе в математике шлиссельбуржцом Морозовым» [Липавский, 2005, с. 358–369].

Еще в 1906 году Брюсов писал (в рецензии, подписанной псевдонимом): «Стихи такого человека не могут не быть интересны,

хотя бы как психологический документ» [Гармодий, 1905]. Ощущение уникальности личности Морозова усилилось в советские годы: «Двадцатый век с его напряженностью, неожиданностями, неуверенностью оставался за дверью квартиры Морозовых, и вы попадали в девятнадцатый, спокойный, радушный и поражающий тех, кто никогда не слышал мелодекламаций Ходотова и Вильбушевича и не ел ветчины, присланной из собственного имения» [Каверин, 1988, с. 164].

Двухтомный итоговый свод поэтических сочинений Морозова был издан кооперативным Товариществом «Задруга» в 1920–1921 годах (возможно, вторая книга вышла в 1922).

Кажется, единственное стихотворение Морозова, которое оказалось «жизнеспособным», – сочиненное вместе с Д.А. Клеменцем «Тайное собрание (По городским слухам)» (<1879>) [Поэты-демократы, 1962, с. 412–414]. Другой, более пространственный вариант, публиковался без указания соавтора и носил название «Песня о Гронове-генерале (Поэма из времен покойной памяти Охранного Отделения)» [Морозов, 1921, кн. 2, с. 70–78]. Как отмечал в комментариях А.М. Бихтер, эти стихи легли в основу сатирических куплетов, «популярных в студенческой среде 1880–1890-х годов», «в различных вариантах и с добавлениями» [Поэты-демократы, 1962, с. 556]. Новая жизнь куплетов связана с именем Владимира Высоцкого, исполнявшего их в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир» («Ох, как в Третьем отделении...»).

Сын и биограф Заболоцкого приводит фрагмент политического стихотворения 1917 года из рукописного домашнего журнала «Жулик»:

...Ну, кажись, уж все готово,
Но Скворцов заводит снова.
На бочонке он стоит,
Речь такую говорит

[Заболоцкий, 2003, с. 41].

Четырнадцатилетний Николай Заболотский, конечно, не знал имени автора строк переименованного им текста, бытовавшего в режиме анонимности. Что, однако, могло привлечь его внимание к поэзии Морозова в годы зрелого поэтического творчества?

Во вступительной статье к сборнику поэтов-восьмидесятников указаны три жанрово-тематических локуса поэзии Морозова. Во-первых, это окрашенная «в ярко подчеркнутые лирические тона» «революционная тема», явно неактуальная для Заболоцкого. Во-вторых – «элементы сатиры» и отдельные сатирические стихотворения, одно из которых почти случайно, кажется, отозвалось в виршах из «Жулика». И, наконец, в-третьих – «научная поэзия», «пионером» которой на русской почве назвал Морозова в 1929 году критик Игорь Поступальский [1929, с. 53–55].

Именно эта стихия оказалась важной для Заболоцкого.

Николай Гумилев откликнулся на первый, однотомный вариант «Звездных песен», вышедший в 1910 году при содействии Брюсова и обернувшийся для автора годичным заключением в Двинской крепости так: «Неужели в почтенные лета автора можно дебютировать книгой стихов, имея подобный запас образов, приемов и закристаллизованных переживаний? Или это та научная поэзия, о которой столько говорят во Франции Ренэ Гиль и его сторонники? Нет, там все построено на искании синтеза между наукой и искусством, а в стихах Николая Морозова мы не видим ни того, ни другого. Одно великолепное презрение к стилю, издевательство над требованиями вкуса и полное непонимание задач стиха, столь характерные для русских поэтов-революционеров конца XIX столетия, да разве еще шаблонность переживаний, тупость поэтического восприятия и бесцеремонность в обращении с вечными темами – вот стихи Морозова» [Гумилев, 1910].

В статье «Наука в поэзии и поэзия в науке», предпосланной «Звездным песням» (напечатанной впервые в первом номере «Русских ведомостей» за 1912 год) декларировалась программа не только содержательного, но и формального обновления поэзии: «Нам тесны стали пять старинных ритмов классической поэзии, эти хорей, ямбы, дактили, амфибрахий и анапесты. Мы начали по временам выходить из них и в новые стопы...» [Морозов, 1921, кн. 1, с. X].

Версификационная практика Морозова – при известном остроумии в постановке и решении формальных задач – была далека от подлинного новаторства. Реакция Гумилева объяснима: Морозов оказался оторванным от литературного процесса в начале

1880-х годов, с их безрадостным поэтическим фоном, а вернулся на свободу и начал печатать стихи в годы, когда поэтический язык находился на несравненно более сложной стадии развития.

И.С. Поступальский признавал: «Н. Морозов не стал выдающимся поэтом из-за отсутствия у него серьезной поэтической культуры. Действительно, если условно разложить любое его стихотворение на “форму” и “содержание”, сразу же станет ясно, насколько внешняя оболочка (устаревшие рифмы, бледные эпитеты, изношенные метры) уступает внутренней сущности (новые темы, научное мировоззрение и т. д.)» [Поступальский, 1929, с. 55].

Тетради с рабочими записями Морозова по стихосложению носят вполне ученический характер: видно, как почтенный ученый – химик, астроном и историк науки – со всей силой юношеского энтузиазма взялся штурмовать тайны поэтического мастерства, вооружившись книгой Н.Н. Шульговского «Теория и практика поэтического творчества. Технические начала стихосложения» (1914) [Морозов, без даты]¹.

Думается, Заболоцкого привлекала не только уникальность поэтики Морозова, но и ее своеобразная курьезность: как и другие обэриуты, он был чувствителен к курьезным поэтикам такого рода, от реальных графа Хвостова и Бенедиктова до сугубо «литературных» Козьмы Пруткова и Игната Лебядкина. «Научная поэзия» Морозова становится для Заболоцкого материалом для иронического, но почтительного пастиширования.

Многие стихотворения Морозова написаны от лица ученого, который излагает основы научного знания «профану» (ученику или возлюбленной). Достижения науки облекаются в веселую и занимательную форму, как бы адаптируются к возможностям восприятия и понимания адресата. Неприязательность стихосложения мотивируется игровым и ролевым характером таких стихотворений, их «домашностью». Заболоцкого, как и Олейникова, интересовала сама *фигура ученого* – не менее, чем его «наука». Достаточно вспомнить о переписке поэта с Циолковским, о присутствии в его поэзии имен Мичурина,

¹ Архив ученого полностью оцифрован и доступен пользователям Интернета.

Бербанка, Эйнштейна; наконец, о Безумном волке из одноименной поэмы.

Поэзия Морозова основывается на представлении о «двух науках»: «древней», наивной, сохранившейся лишь в формах оккультного «тайного знания», – и наследующей ей современной, «новой» науке, основанной на позитивном знании и способной к кардинальному преобразованию физического мира. О сфинксе Гизеха, например, говорится:

Его оккультные науки
Исчезли в сумраке времен,
И, у груди сложивши руки,
Уже не верит в правду он... <...>

На миг его умолкла мука.
Он вдаль глядит, под небеса,
И видит: новая наука
Творит уж в мире чудеса!

[Морозов, 1921, кн. 2, с. 42–43]

Отсюда – обилие в «научной поэзии» Морозова загадочных образов, сюжетов и терминов, связанных с его астрологическими, алхимическими, масонскими интересами.

Н.А. Морозов был единственным и бессменным председателем Российского Общества Любителей Мироведения (Р.О.Л.М.), действовавшем с 1909 по 1932 год: «...общество “Мироведения”, очевидно, под влиянием Н.А. Морозова, принадлежавшего к масонскому ордену “Великий Восток Франции” (ложе “Полярная звезда” в Петербурге), проявляло большой интерес к мифам и литературным памятникам древности, в которых сохранились ценные астрономические “указания”, в частности, к священным книгам, таким, как Библия и Талмуд. Вот названия некоторых докладов, прочитанных в обществе на тему палеоастрономии: “Когда возникла Каббала” (Л. Филиппов, 1913), “Астральная основа христианского эзотеризма первых веков” (Д.О. Святский, 1914), “Зеленый луч в Древнем Египте” (А.А. Чикин, 1918), “Созвездия в Ветхом Завете” (Г.А. Тихов, 1918), “Зодиак в

Ветхом и Новом Завете” (Д.О. Святский, 1918), “Астрономия и мифология” (Н.А. Морозов, 1920)» [Андреев, 2004, с. 96–97].

Свидетельств о контактах Заболоцкого с кругом ученых Р.О.Л.М. не сохранилось, но на всех этапах его поэтического творчества видны точки пересечения и с интересами этого круга, и с тематикой изданий, которые выходили под эгидой Общества (символика знаков Зодиака, Атлантида, сказание о звезде Чигирь, зеленый луч), и даже с эмблематикой этих изданий (египетский «крылатый шар»; ср. «Над башней рвался шар крылатый / И имя “Зингер” возносил» [Заболоцкий, 1972, т. 1, с. 36]).

В начале 1930-х годов Заболоцкий на вопрос об интересующих его предметах отвечал: «Символика; изображение мыслей в виде условного расположения предметов и частей их. Практика религий по перечисленным вещам. Стихи. <...> Народная астрономия. Народные числа. <...> Книга, как ее создать. Буквы, знаки, цифры» [Липавский, 2005, с. 307–308].

Вероятно, Заболоцкого привлекало в стихах Морозова и отражение уникальной личности их автора – «современного Фауста», приблизившегося к разгадке вечной молодости. Некоторые строки Морозова напоминают о традиции русских переводов «Фауста»:

Сила сцепленья
 Вяжет пары,
 Мощь тяготенья
 Держит миры

Атомов сродство
 Жизнь создает,
 Света господство
 К знанью ведет
 («Силы природы»)
 [Морозов, 1921, кн. 2, с. 46].

В наследии Заболоцкого есть еще одно сочинение, непосредственно восходящее к поэзии Морозова. Это написанное в 1948 году стихотворение «Сквозь волшебный прибор Левенгука», впервые напечатанное в 1957 [Заболоцкий, 1957, с. 83].

Два «морозовских» стихотворения Заболоцкого, таким образом – «мост» между ленинградским и московским периодами его творчества: одно из них создано незадолго до ареста поэта, второе – вскоре после его освобождения. Существенно, может быть, что к 1948 году жизненный путь Морозова был уже завершен. («Повести моей жизни» и «История моего заключения» дают если не материал для сопоставления, то повод для размышлений...)

Сюжет и образный строй стихотворения о микромире перекликаются с тематически близким стихотворением Морозова, датированным 25 декабря 1918 года:

Мир в капле воды

Посв. С.И. Метальникову

Он долго смотрел в окуляр микроскопа
В настое травянистых веществ.
Там плыли, прозрачны как капли сиропа,
Рои чуть заметных существ.

Близь нежных, как тина, зеленых прослоек,
Что создал, дробясь, протококк,
Качались изящные стебли сувоек,
Плыл стентор, как светлый рожок.

Скачками десятки проворных халтерий
Свершали свой вечный галоп,
И между рядами заснувших бактерий
Метался усатый циклоп.

Кой-где парамеции плыли устало,
Тянулся микробов пунктир,
И жил своей жизнью невидимо малый
Волшебный, таинственный мир.

И он любовался привычной картиной,
Над каплей склонясь головой,
Там пары мельчайших существ воедино
Сливались друг с другом порой.

Они разделялись и двигались снова,

И плазма в них тихо текла.
И было слиянье – их жизни основа,
Деленье – источник числа.

И вспомнил он прежний свой ряд наблюдений
За этим любимым столом:
Он видел зачатки людей и растений
Под тем же волшебным стеклом.

И также пред ним в глубине микроскопа,
Являлись источником их
Слиянья прозрачных, как капли сиропа,
Таких же крупинок живых.

Из групп их слагались ткани растений,
И члены людей и зверей,
И были они среди всех изменений
Едины в основе своей.

Во всех эмбрионах их плотные сети
Казались ячейками сот,
И так же делились они, как и эти
Жильцы застоявшихся вод.

И думал он: «Жизни невидимой крохи!
Пришельцы неведомых дней!
Мы созданы вами не в древней эпохе
А в собственной жизни своей!»

Таинственно в каждом людском поколенье
Проходим мы все через вас:
Мы – только последнее ваше явление,
Вы – первая стадия нас!

Примите ж привет, мои младшие братья,
В болотном настое травы,
Когда-то, на первой ступени зачатья,
Таким же я был, как и вы!»

[Морозов, 1921, кн. 2, с. 100–102]

Забавно ритмизованные штампы официальной речи («В результате их общих усилий / Зажигается пламя Плеяд...»)

возникают под пером Заболоцкого из пастиширования непреднамеренно курьезной повествовательности источника («И вспомнил он прежний свой ряд наблюдений...»). Развернутая во второй половине стихотворения апология размножения стягивается в игривый и многозначительный, двусмысленный намек финала в стихотворении Заболоцкого («И стремительный шум созиданья...»).

Соприсутствие в одном стихотворении *сирона*, *тины*, *парамеций* и *протококков* напоминают о лексико-стилистической какофонии в стихах Олейникова. Заболоцкий несравненно осторожней в обращении с терминами. Согласно воспоминаниям И.М. Синельникова, еще в конце 1920-х он говорил: «Некоторые научные, технические термины следовало бы смело вводить в стихи. Я подумываю о таком слове, как “перспектива”. Как бы оно оживило стих, как бы создало впечатление глубины!» [Воспоминания, 1984, с. 115.]

Более существенным представляется выбор поэтического размера для стихотворения об освоении человеком микромира. У Морозова это, по всей видимости, случайно, вне памяти о поэтической традиции, выбранный амфибрахий. «Сквозь волшебный прибор Левенгука» Заболоцкого написано размером первого стихотворения из знаменитого (но запрещенного в 1940–1950-е годы) цикла «Капитаны» Гумилева, как раз и критиковавшего Морозова-стихотворца за «презрение к стилю» и «полное непонимание задач стиха». После «Капитанов» трехстопный анапест с его наступательной инерцией ассоциируется с мотивами путешествия и освоения неизведанного пространства, в широком смысле – «конкисты»:

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.

Быстрокрылых ведут капитаны,
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведал мальстремы и мель <...>

[Гумилев, 1998, с. 262].

Сравним:

Сквозь волшебный прибор Левенгука
 На поверхности капли воды
 Обнаружила наша наука
 Удивительной жизни следы. <...>

Но для бездн, где летят метеоры,
 Ни большого, ни малого нет,
 И равно беспредельны просторы
 Для микробов, людей и планет.

В результате их общих усилий
 Зажигается пламя Плеяд,
 И кометы летят легкокрылей,
 И быстрее созвездья летят
 [Заболоцкий, 1957, с. 83].

Сравнительная степень составного прилагательного (ср. «Быстрокрылых ведут капитаны» у Гумилева и «И кометы летят легкокрылей» у Заболоцкого) усиливает ироническую тональность стихотворения, неучтенную в единственном известном нам разборе [Кононов, 2013].

На исходе XVIII столетия была создана поэма «Храм природы» Эразма Дарвина (1731 – 1802) – дедушки основоположника эволюционной теории и завершителя жанровой традиции описательной дидактической поэмы, у истоков которой в английской словесности стоял почитаемый Заболоцким Александр Поуп (Поп)¹. Переводчик «Фауста» и зоолог Н.А. Холодковский опубликовал свой перевод и комментарии к поэме в 1911 году [Холодковский, 1911]. Отзвуки его ритмико-интонационного строя слышны в поэмах и во многих стихотворениях Заболоцкого 1930-х – 1950-х годов:

¹ В письме к К.Э. Циолковскому от 18 января 1932 г. Заболоцкий цитировал «Торжество Земледелия» в ранней редакции, где были строки: «Здесь вол, зачитываясь Попом, / Назад во времени плывет» [Заболоцкий, 1972, с. 380].

Так, выпуклым стеклом усилив взор
И наблюдая соляной раствор,
Мы видим, как проворные частицы
Слагаются в кристаллы – призмы, спицы;
Иль Мукора растущий стебелек
Пускает корни, всасывает сок;
Встречаемся мы взором изумленным
То с нитью, то с колечком оживленным;
Монада, точка малая средь вод,
Без ног, без членов – плавает, снует;
Там Вибрион, как угорь, вьется бойко;
Живым мерцает колесом Сувойка;
А там играет формами Протей,
То шар, то куб, то будто червь иль змей;
И вдруг плывет огромный Клещ, пред нами
С подвижным сердцем, с длинными ногами
[Дарвин, 1954, с. 21]¹.

Пассаж о микромире из перевода поэмы Дарвина-старшего отозвался у Заболоцкого много раньше, в 1936 году, и тоже в стихотворении, посвященном освоению неизведанного пространства – но не малой капли воды, а необъятного советского Севера. И тот и другой миры находятся «на ином уровне организации мироздания, чем мир, данный эмпирически (вариантный)» [Фарыно, 2010, с. 798]:

...где снег, сверкая, падает на нас,
и каждая снежинка на ладони
то звездочку напомним, то кружок,
то вдруг цилиндром блеснет на небосклоне,
то крестиком опустится у ног <...>
[Заболоцкий, 1957, с. 28].

¹ В комментариях переводчик давал пояснения («В пресной воде встречается много мелких паукообразных животных – клещей [Acaridae]») и толкования: мукор – «род плесени»; монада (Monas), вибрион (Vibrio) и сувойка (Vorticella) – «названия микроскопических организмов, встречающихся в воде»; «протей – амeba (Amoeba)» [Дарвин, 1954, с. 188].

Проект «собрания иероглифов» и «общей азбуки мира», обсуждавшийся Заболоцким и его друзьями [Липавский, 2005, с. 382], также, возможно, восходит – кроме прочих источников – к дидактике Эразма Дарвина, где, как у Морозова и Циолковского, тайное знание древности воспроизводилось в образах зодиакальных знаков:

Так раньше, чем науки дух могучий
Отметил в буквах речи звук летучий,
Чем пестрое искусство древних лет
Оставило в иероглифах след,
Иль, звездный свод небес изображая,
Чертило на поверхности шаров
Созвездия, их виду подражая
Фигурами медведей, львов, волков, –
Явилась уж, как грубые картины
Египта учат, из морской пучины
Диона в пене плещущих валов
[Дарвин, 1954, с. 23]¹.

Вряд ли поэт всерьез разделял взгляды Морозова на историю (отголоски которых можно предположить, например, в давно отмеченных исследователями анахронизмах, см., например: [Полякова, 1979, с. 387]), но, несомненно, оценил по достоинству их «мифогенность», их мифопоэтический потенциал. Отметим в заключение еще несколько сближений.

В круг источников стихотворения «Меркнут знаки Зодиака» (1929), недавно описанный с полнотой, близкой к исчерпанию [Жолковский, 2010], следует, видимо, ввести и «астральные» стихи

¹ «Диона – одно из имен Венеры (Афродиты)», – пояснял переводчик [Дарвин, 1954, с. 188]. В прозаической «Дополнительной заметке VI. Иероглифические фигуры» к поэме (изданной в русском переводе, однако, лишь в 1954 г.) говорилось: «Контурсы тела животных, давших имена созвездиям, а также обозначения, применяемые в химии для названия металлов, а в астрономии – планет, вначале были иероглифическими фигурами, которые до изобретения букв применялись египетскими магами для сообщения своих открытий в области этих наук» [Дарвин, 1954, с. 123].

Морозова, в первую очередь – почти одноименное: «Загадка Зодиака» [Морозов, 1921, кн. 2, с. 42–43].

Составной медицинский термин в блестящей строке «Я сделался нервной системой растений» из «Гомборского леса» (1957) – конечно, не ляпсус, как предположил автор оскорбительной заметки в журнале «Крокодил» [Без подписи, 1958], а, как и строка «Слышу речь органических масс» в стихотворении о микроскопе, – результат поэтического преобразования специальных слов и терминологических сращений, которыми обильны стихи Морозова.

Рифма *нунций – унций* в миниатюре из позднего шуточного цикла «Записки старого аптекаря», встречается в стихотворении Морозова «Сон Парацельза» [Морозов, 1921, кн. 2, с. 33].

По воспоминаниям И.Л. Андроникова, Заболоцкий, говоря о Гете, цитировал Баратынского: «Была ему звездная книга ясна, / И с ним говорила морская волна» [Воспоминания, 1984, с. 195]. Именно эти строки служат эпиграфом к большому сочинению Морозова, носящему название «Иоанн на Патмосе. Поэма натурсимволического культа древности» [Морозов, 1921, кн. 2, с. 165].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев, А.И. Оккультист страны Советом / А.И. Андреев. – М.: Яуза; Эксмо, 2004. – 366 с.

<Без подписи> Из записок Ляпсуса // Крокодил. – 1958. – № 1. – С. 7.

Воспоминания о Заболоцком / Изд. 2-е, доп.; сост. Е.В. Заболоцкой, А.В. Македонова и Н.Н. Заболоцкого. – М.: Советский писатель, 1984. – 462 с.

Гармодий [Брюсов В.Я.] Николай Морозов. Из стен неволи. Шлиссельбургские и другие стихотворения. Изд. «Донской Речи». – СПб., 1906. Ц. 25 к. // Весы: Ежемесячник искусств и литературы. – 1906. – № 6. – С. 71.

Гумилев, Н.[С.] Письма о русской поэзии [<...> Николай Морозов. Звездные песни. Москва. К-во «Скорпион», 1910 г. Цена 1 р. 50 к. <...>] // Аполлон. – 1910. – № 9. – [2-я паг.]. – С. 37.

Гумилев, Н.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы / Н.С. Гумилев. – М.: Воскресение, 1998. – 502 с.

Дарвин, Э. Храм природы / Пер. Н.А. Холодковского; предисл., ред. и коммент. акад. Е.Н. Павловского / Э. Дарвин. – М., 1954. – 260 с.

Жолковский, А.К. Загадки «Знаков Зодиака» / А.К. Жолковский // Н.А. Заболоцкий: Pro et contra. Дичность и творчество Н.А. Заболоцкого в оценке писателей, критиков, исследователей: Антология / Сост. Т.В. Игошевой, И.Е. Лощилова. – СПб.: Издательство Русской Христианской Гуманитарной Академии, 1010. – С. 867–910.

Заболоцкий, Н.[А.] В лесу / Н. Заболоцкий // Известия. – 1935. – № 105 (5656), 1 мая. – С. 7.

Заболоцкий, Н.А. Вторая книга / Н.А. Заболоцкий. – Л.: Гослитиздат, 1937. – 45 с.

Заболоцкий, Н.А. Стихотворения / Н.А. Заболоцкий. – М.: ГИХЛ, 1957. – 199 с.

Заболоцкий, Н.А. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1: Столбцы и поэмы. Стихотворения / Вступ. ст. Н. Л. Степанова, примеч. Е.В. Заболоцкой / Н.А. Заболоцкий. – М.: Художественная литература, 1972. – 399 с.

Заболоцкий, Н.Н. Жизнь Н.А. Заболоцкого / Изд. 2-е, дораб. / Н.Н. Заболоцкий. – СПб.: Logos, 2003. – 664 с.

Каверин, В.А. Живая история: Н.А. Морозов. Глазами восьмидесятых / В.А. Каверин // Каверин В.А. Литератор: Дневники и письма. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 158–166.

Кононов, Н.А. Научная картина мира в стихотворном произведении Н. Заболоцкого «Сквозь волшебный прибор Левенгука» / Н.А. Кононов // Заболоцкие чтения: Материалы Всероссийской конференции (Киров – Уржум, 6–7 мая 2013 г.) / науч. ред. И.Е. Лощилов; редкол.: С.Н. Будашкина [и др.]. – Киров: ИД «Герценка», 2013. – С. 104–107.

Липавский, Л.С. Разговоры / Л.С. Липавский // Липавский Л.С. Исследование ужаса. – М.: Ad Marginem, 2005. – С. 307–423.

Лощилов, И.Е. «Была ему звездная книга ясна...» (Н.А. Заболоцкий и Н.А. Морозов: заметки к теме) / И.Е. Лощилов //

Альманах «XX век»: Сб. статей. Вып. 5. / ГЛМ «XX век»; сост. Е.В. Воскобоевой. – СПб.: Островитянин, 2013. – С. 76–87.

Морозов, Н.[А.] Звездные песни. Первое полное издание всех стихотворений до 1919 года: В 2 кн. / Н. Морозов. – М.: Кооперативное товарищество «Задруга», 1921. – Кн. 1.: XIII + 190 с.; Кн. 2: – 206 с.

Морозов, Н.А. Стихосложение. Материалы по изучению метра и ритма стиха. В 2-х тетрадах. Автограф. Без даты // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 1. Д. 570. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ras.ru/namorozovarchive/2_actview.aspx?id=582 (03.09.2014).

Плат, К.М.Ф. Н.А. Заболоцкий на страницах «Известий»: К биографии поэта 1934–1937 годов / К.М.Ф. Плат // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 44. – С. 91–107.

Полякова, С.В. «Комедия на Рождество Христово» Дмитрия Ростовского – источник «Пастухов» Н. Заболоцкого / С.В. Полякова // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т. 33: Древнерусские литературные памятники. – Л.: Наука, 1979. – С. 385–387.

Поступальский, И.[С.] К вопросу о научной поэзии. Статья информационная / И. Поступальский // Печать и революция. – 1929. – Кн. 2–3. – С. 51–68.

Поэты-демократы 1870–1880-х годов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.М. Бихтера. – М.;Л.: Советский писатель, 1962 (Библиотека поэта. Малая серия). – 572 с.

Соболев, А.Л. Летейская библиотека: Очерки и материалы по истории русской литературы XX века: [В 2 т]. Т. 2: Страннолюбский перебарщивает. Сконапель истоар. / А.Л. Соболев. – М.: Трутень, 2013. Т.1. – 490 с., Т.2. – 456 с.

Тэффи [Лохвицкая Н.А.]. Собрание сочинений: В 3 т. Т.1: Проза, стихи, пьесы, воспоминания, статьи / Тэффи. – СПб.: Издательство РХГИ, 1999 (Из архива русской эмиграции). – 460 с.

Фарыно, Е. «Метаморфозы» Заболоцкого (Опыт реконструкции поэтического языка) / Е. Фарыно // Н.А. Заболоцкий: Pro et contra. Дичность и творчество Н.А. Заболоцкого в оценке писателей, критиков, исследователей: Антология / Сост. Т.В.

Игошевой, И.Е. Лощилова. – СПб.: Издательство Русской Христианской Гуманитарной Академии, 1010. – С. 786–811.

Хармс, Д.И. Полное собрание сочинений: Записные книжки. Дневник: В 2 кн. Кн. 1. / Д.И. Хармс. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. – Т. 1. – 480 с.; Т. 2. – 416 с.

Холодковский, Н. [А.] Храм природы [Поэма Эразма Дарвина] / Н. Холодковский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1911. – Новая сер. – Ч. XXXII. – № 3. – Отд. 2. – С. 1–64.

Шубинский, В.И. Даниил Хармс. Жизнь человека на ветру / В.И. Шубинский. – СПб.: Вита Нова, 2008. – 560 с.